

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 39+930.85

М.С. ЛИТВИНЧУК

СУРГУТЯНЕ КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ГРУППА РУССКИХ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Сургутский государственный педагогический университет
e-mail: marylit@rambler.ru

Статья посвящена характеристике населения г. Сургута в XIX – начале XX в. как локальной этнографической группы русских. Формирование данной группы рассматривается с позиции теории фронта. На основании описаний современников выделяются антропологические, лингвистические и бытовые особенности сургутян; дается характеристика их образа жизни.

Ключевые слова: локальные этнографические группы русских, сибирский фронт, Обской Север, Сургут, сургутяне.

В этнической истории русских на всем ее протяжении адаптация к изменению природных и социокультурных условий стала фактором возникновения локальных, существенно отличающихся друг от друга сообществ. Анализируя вариативность русской культуры, авторы коллективной монографии «Русские: история и этнография» выделили северную, южную и центральную зоны в Европейской России, сибирскую и дальневосточную зоны за Уралом, среднеазиатскую зону; а также в качестве отдельных зон были обозначены области проживания казачества [1, с. 60–100]. Согласно существующим оценкам, в каждой из зон было несколько этнографических групп, имеющих отличия в языке, одежде, поведении и т.д.

Формирование этнографических групп русских за Уралом продуктивно рассматривать с позиции теории фронта, понимая под ним подвижную границу этнокультурного взаимодействия. В истории Сибири М.В. Шиловским было выделено три вида русского фронта, последовательно сменяющих друг друга: внешний (по отношению к территориям и этносам, не вошедшим в «огораживающее поле» колонизации), внутренний (по отношению к народам, вошедшим в это поле) и внутрицивилизационный (между старожилами и новопереселенцами) [2, с. 101]. По мнению исследователя, своеобразие сибирского фронта определялось тем, что он являлся неким «оконтуриванием» территории, внутри которой происходили сложные этнические и культурные процессы.

Фронт является своего рода объяснением возникновения специфических этнографических групп русских в Сибири. Среди них – гураны (потомки русских и эвенков); кударинцы (потомки русских и бурят); карымы (потомки русских, эвенков и бурят); амгинцы, анадырцы, гижигинцы, камчадалы, колымчане (потомки от смешения русских с якутами, эвенками, юкагирами, коряками); русско-устыинцы или индигирцы (русские крестьяне и мещане в Якутии). Кроме того, необходимо упомянуть существование нескольких групп старообрядцев («каменщики», семейские, «поляки» и др.) и казаков, проживавших в разных регионах Сибири [1, с. 73–79; 3, с. 60]. Каждая из названных групп обладала серьезными отличиями, будучи включенной в общность «русский народ».

Многие локальные этнографические группы русских Сибири являлись объектами пристального изучения со стороны этнографов и историков на протяжении XIX–XX вв. Однако локальные группы Обского Севера, в частности сургутяне, до сих пор не привлекали внимания исследователей.

Начальный период формирования группы сургутян (на первом этапе фронта) охватывает период с 1594 г. по середину XVI в. Это было время первичного освоения региона русскими и начала взаимодействия с коренным населением. Основание Сургута как острога на месте разрушенной остяцкой крепости князя Бардака (Пардака) было типичным явлением в истории возникновения первых сибирских городов. Символически это должно было озна-

чать «перенятие» функций у местных правителей в деле сбора оброка, включение их подданных в число подданных России.

Первоначально население Сургута составляло 155 служилых людей, прибывших вместе с воеводой. Спустя два года его пополнили 112 казаков. По большей части это были выходцы из Поморья, Центральной России, а также служилые, присланные из других сибирских городков, прежде всего из Березова и Тобольска [4, с. 154]. Изначально численность инородческого населения Сургутского уезда (образованного в составе Тобольского разряда в 1594 г.) в несколько раз превышала количество русских.

По данным на 1625 г. «ясачных людей», проживавших в уезде, было 796 чел., к концу 1645 г. их насчитывалось 981 чел. (исключая женщин, детей, «холопов» и увечных) [5, с. 90]. Такое соотношение при небольшом количестве женщин и крайне неблагоприятных для земледелия природных условиях делало невозможным изолированное существование русского населения в границах уездного центра.

Следствием этого стал переход ко второму этапу фронта – взаимодействию между русскими и коренными жителями – остяками (в системе обозначений XVII в.) в рамках единой формирующейся локальной модели жизнедеятельности и экстремального природопользования.

Возможность смешения и интеграции осознавалась как социальная неизбежность. В связи с оценкой военно-политической ситуации на Севере середины XVII в. в царской грамоте сургутскому воеводе С.М. Лобанову-Ростовскому указывалось, что всех пленных следовало отпустить, однако с теми, кого успели окрестить, следовало поступить иначе: «мужчин поверстать в службу, женок и девок выдавать замуж за служилых людей, которые захотят жениться; малых ребят крещеных поверстать в службу, когда подрастут, а малых девок, когда подрастут, выдать замуж за крещеных людей, но чтоб никто не смел пленных вывозить на Русь под страхом смертной казни» [5, с. 89].

В XVII в. Сургут был одним из опорных пунктов в освоении сибирских территорий. Однако с продвижением русских дальше на восток и север роль города начала резко ослабевать. На протяжении XVIII в. он медленно, но неуклонно хирел, хотя численность его населения к середине века и выросла до 480 чел., а к началу XIX в. – до 532 [4, с. 154].

Сургут постепенно оказывался все дальше от магистральных путей Сибири. Он все меньше интересовал официальную власть и исследователей региона. Например, П.С. Паллас во время своего путешествия по северу Западной Сибири посетил Тобольск, Березов, Самаровский ям и Обдорск, но проехал мимо Сургута, только мельком упомянув о нем. В 1845 г. Сургут посетил М. Кастрен, который написал: «Решительно немного мест в Сибири, которые в эпоху завоевания ее играли бы такую важную роль, как отважный казацкий город Сургут. Тем грустнее теперешний вид его. От прежнего могущественного города осталось только

несколько жалких лачуг, беспорядочно разбросанных посреди пожарищ, ни одной порядочной улицы, ни одного хорошего строения, даже редко где есть стекла в окнах, а цельная оконница уже почти исключение. В последние десятилетия нищета Сургута дошла до того, что он не мог выплачивать даже и податей. Вследствие этого он утратил свои привилегии и утешается теперь только одним названием города» [6, с. 69]. Причем Сургутский уезд был единственным, где численность остяков, хотя и медленно, но увеличивалась.

В 1804 г. падение значимости Сургута было подтверждено официально – был упразднен Сургутский уезд Тобольской губернии, а его территория присоединена к Березовскому уезду. Восстановление статуса Сургута как столицы одноименного уезда в 1868 г. носило исключительно фискальный характер.

Специфика истории Сургутского края наложила отпечаток на формирование его населения. Сургутяне как особая группа описывались современниками на рубеже XIX–XX вв. По словам публициста и исследователя той эпохи А.А. Дунин-Горкавича, городское население Сургутского края составляли, главным образом, потомки казаков-завоевателей [7, с. 79]. Многие русские в Сургутском уезде, несмотря на восхождение своих корней к ермаковским казакам, были потомками смешанных русско-остяцких браков. Это подмечали авторы «Азиатской России»: «В Березовском и Сургутском уездах, Тобольской губернии, русские старожилы напоминают остяков своими скуластыми лицами и узким разрезом глаз» [8, с. 185]. Как писал П. Головачев, в Западной Сибири потомков от таких смешанных браков называли «кармыковатыми» [9, с. 193–194].

По данным С.П. Шевцова, смешанными в Сургуте были 5–10 семей (правда, при этом он оговаривается) – «по крайней мере, недавнего происхождения» [10, с. 4]. Им же была приведена характеристика внешнего облика сургутян: «Низкий рост, приземистость и невзрачность всей фигуры, напоминающей скорее медведя, чем представителя кавказской расы – вот физические особенности, свойственные всему населению. Черты лица сургутянина неправильны и резки, развитые скулы, широкий, некрасивый рот, узкие глаза без выражения, или, пожалуй, с выражением придурковатости... Несмотря на кажущуюся кряжистость, сургутяне не отличаются силой, проворством и ловкостью, но зато крайне выносливы “двужилыны”, но народному выражению... Крестьяне по внешнему виду значительно разнятся от городских мешан-казачков: они много здоровее, как-то шире в кости, видна большая сила, лицо и вся фигура дышат мощью и энергией» [10, с. 6].

Помимо изменения в антропологическом типе произошли изменения и в языке: «Язык русских в северных поселениях Западной Сибири изменился: вместо ш они произносят с, вместо ж – з, а иногда наоборот – “узе наси присли”; некоторых затрудняет ч, другие не могут справиться с р и л (“тли любля”). От остяков эти русские заимствовали какое-то детское сюсюканье» [9, с. 194]. Изменения шли и в словарном составе, что было отмечено

Ф.К. Зобниным, который выделил заимствования в русском из татарского (*абыз* – крикун), вогульского (*аки* – отец), остяцкого (*мани* – младший брат); он также обратил внимание на коверканье русских слов (барышня – барышня, Андили-Архандили – ангелы и архангелы, но в значении «добрые духи, посылаемые Богом») и новообразования (*борноволок* – мальчик 7–11 лет, едущий на лошади, тянущей борону; *бусырь* – сердитый, *ветляность* – совокупность трех качеств: приветливость, обходительность, разговорчивость) [11].

Согласно наблюдениям Ф.К. Зобнина, у русских Сургута сформировались некоторые отличия в материальной культуре – прежде всего в жилище. Им было выделено два типа домов – небольшой пятистенный дом, разделенный на две половины капитальной стеной (жилое помещение и кухня), два смежных амбара и баня; большая пятистенная усадьба, отдельно стоящая кухня, хозяйственные постройки, но без бани. Кроме того, существовали дома на две семьи, с отдельным входом для каждой¹. При этом сами семьи в Сургуте были небольшими, поскольку женатые братья чаще всего жили отдельно от родителей и друг от друга. Факт существования достаточно больших жилых домов объясняется наличием подходящего строевого леса в непосредственной близости от города. Однако дома не были теплыми из-за отсутствия земляных накатов на полу и плохого устройства печей [10, с. 64].

Одежда сургутян почти не отличалась от одежды русских мещан из других городов Тобольской губернии, за исключением того, что «сургутянин совершенно не умеет одеваться и всегда ухитряется придать себе какой-то нелепый, уродливый вид» [10, с. 66]. При этом их зимняя одежда была полностью заимствована у остяков; причем современники отмечали, что носили ее по девять месяцев в году и не снимали даже в домах во время вечеров. Хотя, на взгляд постороннего, одежда сургутян и выглядела нелепо, однако она представляла собой оптимальный вариант адаптации к местным природным условиям.

На рубеже XIX–XX вв. пища сургутян по большей части состояла из рыбных блюд и еды, приготовленной на рыбьем жире. С большой охотой в Сургуте ели рыбу «с душком». Современники полагали, что делалось это из лени – «за свежей рыбой съездить не охота и гниющую вывозить лень» [10, с. 69]. Однако объяснения могли иметь и рациональную природу – речь шла о существовании среди сургутян представлений о расточительности как о грехе – ничего не должно быть выброшено, если есть возможность что-либо использовать.

Сургутяне, находясь в условиях относительной изолированности от других групп русских в доминирующем окружении остяков, отличались особым самосознанием. Им, по наблюдениям современников на рубеже XIX–XX вв., были присущи чувство былой зна-

чимости, обида за утрату прежнего величия и восприятие себя как обитателей осажденной крепости.

Одним из важных факторов самосознания обитателей Сургутского края были их представления о легендарных предках. Как указывают С.П. Шевцов и Ф.К. Зобнин, сургутяне называли в качестве предков казаков, «пришедших в Сибирь вместе с Ермаком и основавших Сургут для борьбы с непокорными остяками». Правда, С.П. Шевцов также указывал: «Некоторые же, в минуту откровенности и самобичевания, чаще всего после хорошей выпивки, прибавляют, что в числе их предков были не только добрые молодцы из вольницы Ермака, но и другие молодцы – бродяги, каторжники, с рваными ноздрями и клеймами, пригонявшиеся сюда из других крепостей Сибири» [10, с. 8]. О том же писал Д.Д. Лейвин: «Жители – ссыльнопоселенцы и потомки таковых, почти половина были казаками, остальные составляли два общества – крестьян и мещан. Встречались старики с рваными ноздрями, а также и с клеймами на щеках и лбу “К.А.Т.” (каторжник)» [12, с. 15–16].

При некоторой противопоставленности казаков, мещан и крестьян внутри города и уезда бытование легенд об общих предках делало группу сургутян вполне устойчивой. Дополнительно это единство обеспечивалось тем, что русские, ориентируясь на православие и традиционные формы обрядов и ритуалов, избежали полного растворения в превосходящем их по численности коренном этносе [13, с. 33].

Сургутяне воспринимались как этносоциальная реальность и на внутреннем, и на внешнем уровнях. Так, С.П. Шевцовым были отмечены особенности отношения к Сургуту самих горожан и жителей соседних округов. Последними Сургут воспринимался как «гиблое место», у которого только одно достоинство – «словкому человеку najиться там легко». Отношение самих сургутян, по материалам исследователя, зависело от того, покидали они город или нет. Те, кто хотя бы однажды побывал в большом городе (Тобольске, Тюмени или Томске), относились к Сургуту с нескрываемым презрением, а на себя смотрели как на высший тип людей, по сравнению с земляками. При первой удобной возможности они готовы были покинуть родной город, чтобы уже никогда сюда не вернуться. Те же, кто никогда не бывал далее Березова (9/10 населения города), воспринимали Сургут почти как рай земной. Любое критическое высказывание о Сургуте они встречали крайне враждебно, а их патриотизм носил «заскорузный и нетерпимый» характер [10, с. 10–11]. С точки зрения С.П. Шевцова, такое отношение к родному городу выглядело дико и нелепо, но именно оно объединяло сургутян в этнографическую группу, противопоставлявшую себя всем остальным.

Специфика сургутян, по мнению современников, ярко проявлялась в особенностях характера и поведения, что объяснялось, помимо прочих причин, спецификой их трудовой деятельности. По данным переписи 1897 г., из всего населения округа только 15 чел. (0,19 %) занимались земледелием и 17 (0,22 %) скотоводством. Следует упомянуть в связи с этим мнение

¹ Козлова В.Л., Коновалова Е.Н. Быт и нравы сургутского казачества в восприятии Ф.К. Зобнина. URL: <http://library.ikz.ru/georgsteller/materialy-iv-mezhdunarodnoi-nauchno-prakticheskoi/kozlova-v.l.-konovalova-e.n.-byt-i-nravu> (дата обращения: 12.10.2012).

А.В. Ремнева, согласно которому в практике имперской администрации «господствовал стереотип, что только та земля может считаться истинно русской, где прошел плуг русского пахаря» [14, с. 57]. Исходя из этого, Сургутский уезд и Сургут не могли считаться по-настоящему русской землей, поэтому от населения требовались дополнительные усилия по обоснованию своей «русскости». Возможно, это стало одной из причин повышенного патриотизма, отмеченного С.П. Шевцовым.

Согласно данным переписи 1897 г., основными видами деятельности сургутян были: рыболовство – 6394 чел. (82,54 %), лесоводство – 448 чел. (5,78 %) и торговля – 185 чел. (2,39 %) [15, с. XLI]. В самом Сургуте соотношение оказалось примерно такое же, что было совсем нетипично для русских регионов. Несмотря на популярность торговли, в уезде не было ни одного гильдейского торговца, а ярмарка, на которую в Сургут приезжали инородцы, проводилась только раз в году – с 23 декабря по 15 января. Еще две ярмарки проходили в мае и июне в селах Юганское и Ларьятское.

Современниками отмечалось особое отношение сургутянина к труду – он работает ровно настолько, насколько это необходимо, «поэзия-же труда, наслаждение убиться на работе ему не доступны и чужды. Его идеал – возможно легкая жизнь, он больше стремится к торговле, хотя-бы она и доставляла ему меньше барышей, чем промысловый труд, например...» [10, с. 56]. Существовало представление, согласно которому, имея перед глазами примеры быстрого и легкого обогащения торговцев, сургутяне стремились повторить их успех, не тратя силы на повседневный труд. Именно это приводило к тому, что ремесленный труд в Сургуте не был распространен совершенно, несмотря на высокую его стоимость. Например, дома сургутяне сами не строили, предпочитая заплатить крестьянам из других округов Тобольской губернии.

Их отношение к труду было несколько презрительным, в отличие от остальных этнографических групп русских. Основным источником дохода местных жителей являлись разные виды промыслов (рыболовный, охотничий, лесозаготовительный и сбор орехов), которые требовали небольшого количества труда в течение нескольких летних недель, а большую часть зимы, весны и осени они бездействовали. Исключением была женская работа по дому и подворью, которой занимались в течение целого года – изготовление керамики, уход за домашними животными и т.д.

Духовная культура сургутян также имела свои особенности, но укладывалась в общую характеристику населения фронта. Современники отмечали ее низкий уровень и слабую религиозность русского населения [14, с. 173]. По поводу образованности сургутян существуют два противоположных свидетельства – С.П. Шевцов утверждал о почти полном отсутствии образования, особенно среди женщин; а Ф.К. Зобнин, напротив, писал о высоком уровне грамотности.

Если обратиться к данным всеобщей переписи населения 1897 г., то процент грамотности среди мужчин Сургута был самым высоким в округе (63,1 %), а среди

женщин – самым низким (18,34 %). В целом по округу грамотных было 9 % [15, с. XXVII–XXVIII].

Характеризуя религиозные представления сургутян, Ф.К. Зобнин отмечал, что большое значение придавалось ими обрядовой стороне веры – регулярно посещению церкви, соблюдению постов и т.д.² По мнению С.П. Шевцова, «для большинства сургутян решительно непонятна идея о едином Боге, они всегда смешивают всех угодников с самим Богом... Также мало понимают они и значение икон: для них Бог и икона – одно и то же... При дикости и нелепости своих религиозных понятий сургутянин вдобавок еще до крайности нетерпим во всех религиозных вопросах, и всякое мнение, не согласное с его взглядами, вызывает в нем злобу и раздражение» [10, с. 77].

Часто внешняя религиозность сургутян соседствовала с большим числом суеверий среди горожан, самым популярным из которых было представление о «суседко» – духе, присутствующем в доме и около него и причиняющем человеку различные неприятности, либо, наоборот, помогающем ему [10, с. 75; 13, с. 37–44].

По верованиям сургутян, «суседко» представляют собой злых ангелов, изгнанных на землю вместе с Сатанайлом, и делятся на три категории: «избна суседка», «скотска суседка» и «банна суседка», из которых последняя – наиболее страшная для человека. Леса и реки также были населены различными демоническими существами, самыми известными из которых были водяной и леший [13, с. 44–48]. Между людьми и нечистой силой существовали посредники – «еретики/еретицы», «чернокнижники» (только мужчины) и «вещицы» (только женщины), которые, помимо различных неприятностей, могли делать и добрые дела, как правило, в качестве благодарности за определенные поступки [13, с. 48–61]. Часто сургутяне обращались не только к знахаркам, но и к остяцким шаманам, что, впрочем, можно объяснить отсутствием квалифицированных врачей в городе. При этом, как отмечал И.Я. Неклепаев, у сургутян был страх перед остяцкими божествами, которые считались не просто идолами, а различными дьяволами, способными причинить вред и русскому человеку [13, с. 70].

В заключение следует подчеркнуть, что к рубежу XIX–XX вв. сургутяне сформировались в особую этнографическую группу. Причинами этого стали их относительно изолированное положение среди подавляющего большинства коренного населения, редкие контакты с другими группами русских, отсутствие земледельческих традиций и чувство несправедливости, вызванное утратой некогда ведущего положения в Западной Сибири. Среди характерных особенностей этой группы необходимо отметить антропологические и фенотипические черты (метисированный монголоидный облик); диалектные отличия и появление нового словаря; домини-

² Козлова В.Л., Коновалова Е.Н. Быт и нравы сургутского казачества в восприятии Ф.К. Зобнина. URL: <http://library.ikz.ru/georg-steller/materialy-iv-mezhdunarodnoi-nauchno-prakticheskoi/kozlova-v.-l.-konovalova-e.-n.-byt-i-nravy> (дата обращения: 12.10.2012).

рование промыслового природопользования, некоторые особенности бытовой культуры и религиозных воззрений – в том числе переплетение православия с элементами славянского и аборигенного язычества.

На рубеже XIX–XX вв. сургутяне представляли собой одну из локальных групп русских северного фронта, которая сформировалась в экстремальных природно-климатических условиях, ориентировалась на посредническую торговлю и промыслы, была связана с городской преимущественно средой и обладала особым самосознанием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русские: история и этнография / под ред. И.В. Власовой и В.А. Тишкова. М., 2008. 752 с.
2. Шиловский М.В. Фронт и переселения // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2003. Вып. 3. С. 101–118.
3. Народы России: атлас культур и религий / отв. ред. В.А. Тишков, А.В. Журавский, О.Е. Казьмина. М., 2008. 256 с.
4. История населенных пунктов Югры: краткий научно-популярный справочник / Е.А. Зайцева, В.П. Клоева, С.Н. Щербич. Ханты-Мансийск; М., 2012. 176 с.
5. Буцинский П.Н. Сургут и Сургутский уезд (1594–1625 гг.) // Буцинский П.Н. Соч.: в 2 т. Тюмень, 1999. Т. 2: Мангазея, Сургут, Нарым и Кетск. 328 с.
6. Кастрен М.А. Сочинения: в 2 т. Тюмень, 1999. Т. 2: Путешествие в Сибирь (1845–1849). 352 с.
7. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. СПб., 1904. 372 с.
8. Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1-й: Люди и порядки за Уралом. 314 с.
9. Головачев П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. 2-е изд. М., 1905. 402 с.
10. Швецов С.П. Очерк Сургутского края. [Б.м.], 1889. 87 с.
11. Список тобольских слов и выражений, записанных в Тобольском, Тюменском, Курганском и Сургутском округах, в двух первых д. чл. Паткановым, в трех последних чл.-собр. Зобниным и приведенных в алфавитный порядок студ. И. СПб. унив. Николаевым // Живая старина. 1899. № 4. С. 487–518.
12. Лейвин Д.Д. Из воспоминаний. Быт политических ссыльных в г. Сургуте в 1870–1880-х гг. // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. Екатеринбург, 1998. С. 13–33.
13. Неклепаев И.Я. Поверья и обычаи Сургутского края. Этнографический очерк // Зап. Зап.-Сиб. отд. Импер. Русск. геогр. о-ва. 1903. Т. 30. С. 29–230.
14. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. 196 с.
15. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб., 1905. Т. LXXVIII: Тобольская губерния. 296 с.

Статья поступила
в редакцию 21.03.2013

УДК 398.3+930.85

Г.В. ЛЮБИМОВА

РЕЛИГИОЗНО-МАГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ РУССКИХ КРЕСТЬЯН СИБИРИ В УСЛОВИЯХ СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ*

канд. ист. наук,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: terra-gl@mail.ru

В статье рассматриваются традиционные способы противостояния стихийным бедствиям, бытовавшие у русских крестьян Сибири во второй половине XIX – начале XX в. На основе архивных и опубликованных данных, а также полевых материалов автора описываются меры, предпринимавшиеся крестьянской общиной для вызывания дождя, прекращения засухи, защиты урожая от грозы, града и пр. Особое внимание уделяется способам избавления от эпидемий и эпизоотий.

Ключевые слова: стихийные бедствия, религиозно-магические практики, русское крестьянство Сибири, аграрная культура, менталитет.

Традиционная аграрная культура русских крестьян просуществовала вплоть до 1930-х гг., т.е. до начала массовой коллективизации [1, с. 131]. В основе этой культуры лежало особое уважительное и заботливое отношение к земле, связанное с восприятием ее в качестве одной из основных стихий мироздания, символа женского плодоносящего начала, кормилицы и

прародительницы всего сущего [2, с. 315]. Тесная привязанность крестьянства к земле, принимавшая порой форму мистического поклонения ей, нашла отражение в обычаях и обрядах народного календаря, непосредственно связанных с подготовкой и проведением полевых работ. Не случайно важнейший земледельческий период от сева до жатвы в Сибири, как и в России в целом, обрамлялся обычаями катания по земле, символизировавшими обмен с нивой некой плодородной силой [3, с. 44–45].

*Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации: НИР 6.2069.2011.